

издалека прежнихъ „вразумленій“, имѣвшихъ наполовину полицейскій характеръ; онѣ не должны представлять собою ничего походяго на принужденіе или понужденіе. Таково, безъ сомнѣнія, намѣреніе устроителей бесѣдъ—но на практикѣ оно осуществляется, повидимому, не всегда и не вездѣ. Вотъ, напримѣръ, чтó намъ случилось недавно прочесть въ гуслицкой корреспонденціи „Новаго Времени“: на диспутѣ, происходившемъ въ деревнѣ Бѣлиной между миссіонеромъ Шашинымъ и мѣстными старообрядцами, послѣдніе напали на перваго за то, что онъ далъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ въ чрезмѣрно строгой полицейской формѣ. Извѣщеніе, посланное сельскому старостѣ, заканчивалось такъ: „настоятельно предписываю вамъ исполнить все это (т.-е. приготовить помѣщеніе для диспута и оповѣстить мѣстныхъ начетчиковъ) въ точности; за неисполненіе же сего вы подвергаетесь отвѣтственности“. Разбирая эту бумагу, редакція которой ничѣмъ не отличается отъ слога предписаній о взысканіи податей, начетчики доказывали, что проповѣдники христіанства должны чуждаться всякихъ полицейскихъ замашекъ и въ своемъ миссіонерскомъ званіи придерживаться простоты благовѣстителей первыхъ вѣковъ христіанства. И дѣйствительно, чего могутъ ожидать раскольники отъ миссіонера, дающаго предписанія сельскому начальству? Не естественно ли предположить, что онъ облеченъ властью, легко могущею отозваться и на его собесѣдникахъ?.. Приступу къ дѣлу соотвѣтствуетъ, болѣе или менѣе, и самое его веденіе; по словамъ корреспондента, „полемическіе приемы миссіонера, его диспутантскія манеры и жестикуляція, явно натянутая изворотливость въ книжныхъ доказательствахъ, заставляютъ сомнѣваться, чтобы онъ принесъ пользу на миссіонерскомъ поприщѣ“; умѣренность, мягкость тона—одно изъ необходимыхъ условій нравственнаго вліянія на расколъ. Общимъ правиломъ она сдѣлается только тогда, когда въ официальныхъ документахъ не будетъ болѣе идти рѣчь о мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ.

Еще большею рѣзкостью выражений отличается та часть отчета, которая посвящена „сектантамъ разныхъ видовъ“. Здѣсь говорится о людяхъ, „безумно и фанатически преданныхъ узкому и невѣжественному сектантству“, о „непризванныхъ учителяхъ, въ жалкомъ ослѣпленіи своемъ сочувствующихъ невѣжеству, лицемѣрію и фанатизму“. О шалопутахъ мы читаемъ, что „въ хитрости они со временемъ, надо полагать, не уступятъ іезуитамъ“; о миссіонерахъ штундизма—что они „не гнушаются подкупомъ, обманомъ и клеветой“. Въ рассказѣ о глумленіи штундистовъ надъ бывшимъ ихъ единовѣрцемъ, пострадавшимъ отъ пожара, насъ поражаетъ слѣдующее мѣсто: